

Сестра Беатриса.

Чудо въ трехъ дѣйствіяхъ.

Переводъ
М. П. Сомова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мадонна.

Сестра Беатриса.

Игуменья.

Сестра Эглантина.

Сестра Клементина.

Сестра Фелисита.

Сестра Бальбина.

Сестра Регина.

Священникъ.

Принцъ Беллидоръ.

Маленькая Аллета.

Нищія, богомольцы, калѣки, дѣти и пр.

Дѣйствіе происходитъ въ XIV столѣтіи въ монастырѣ около Лувена.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Длинный коридоръ со сводами. По серединѣ большія запертыя монастырскія ворота. Направо дверь въ часовню, куда ведутъ нѣсколько ступеней. Въ углу, между дверью и стѣною коридора, на пьедесталѣ, въ углубленіи, въ видѣ ниши, стоитъ изображеніе Мадонны въ человѣческой ростъ. По испанскому обычаю, она облечена въ роскошныя бархатныя и парчевыя одежды, придающія ей видъ небесной царицы. Широкій поясъ кованаго золота стягиваетъ ея талію. Волосы рассыпались по плечамъ статуи; голова ея увѣнчана золотой діадемой, въ которой горятъ драгоценные камни. Влѣво отъ входной двери, видна келья Беатрисы. Въ этой выбѣленной известкой кельѣ видны только убогая постель, столъ и стулъ. Ночь. У пьедестала Мадонны горитъ лампада, у подножія статуи поникла сестра Беатриса.

БЕАТРИСА. Владычица! Сжался надо мною, я готова впасть въ смертный грѣхъ... Онъ опять придетъ сегодня, а я совѣмъ одна.. Что мнѣ сказать ему?.. Что мнѣ дѣ-

лать?.. Онъ смотритъ на меня, руки у него дрожать, и я не знаю, чего онъ хочетъ... Въ концѣ юля будетъ четыре года, какъ я вошла въ этотъ святой домъ,—я тогда была ребенкомъ, я еще ничего не знала; я и теперь ничего не знаю. Я не осмѣливаюсь обратиться съ вопросомъ къ игуменьѣ, я не рѣшаюсь поговорить къ кѣмъ-нибудь о томъ горѣ или о томъ счастьи, которое терзаетъ мое сердце. Говорятъ, въ бракѣ позволительно любить мужчину... Онъ обѣщалъ мнѣ, что, по выходѣ изъ монастыря, насъ обвѣнчаетъ знакомый ему отшельникъ, который, говорятъ, дѣлаетъ чудеса. Намъ постоянно говорятъ о козняхъ дьявола и о людскихъ ловушкахъ. Но ты же знаешь, онъ не похожъ на другихъ... Онъ, бывало, приходилъ по воскресеньямъ въ садъ моего отца, когда я была еще совѣмъ маленькой, и мы играли вмѣстѣ... Я его забыла, но я часто вспоминала о немъ, въ часы своихъ молитвъ или грусти.. Онъ скромнень и мудръ; глаза его нѣднѣе глазъ ребенка, преклонившаго колѣни... Онъ вчера склонилъ свои колѣни при свѣтѣ этой лампы... Ты замѣтила его? Онъ былъ похожъ на Твоего сына... Онъ улыбается такъ задумчиво, какъ еслибъ онъ бесѣдовалъ съ самимъ Богомъ, даже тогда, когда онъ говорить только со мною, хотя я не въ силахъ его понять и ничего у меня нѣтъ... Я Тебѣ говорю все; я очень несчастна, хотя, вотъ ужъ три дня, не могу больше плакать... Онъ сказалъ мнѣ, что умереть, если я его оттолкну... Говорятъ, что это возможно... что много юношей, такихъ же молодыхъ и прекрасныхъ, какъ онъ, принимали смерть изъ-за любви. Однажды онъ мнѣ разсказалъ про Павла и Франциску... Я не знаю, правда ли это... Миръ исполненъ смуты, а намъ ничего не говорятъ...

Владычица, наставь меня, я не знаю, что мнѣ дѣлать, и какъ знать, можетъ быть, эти дрожащія руки, которыя я сейчасъ простираю къ Твоему святому лику, станутъ завтра двумя чудовищными факелами адскаго огня.. Снаружи слышенъ шумъ приближающихся шаговъ. Прислушайся... Ты слышала?.. Нѣсколько лошадей... Остановились... Онъ подходитъ къ порогу... Берется за дверь... Стучать. Мать моя! Что дѣлать?.. Я не уйду отсюда, если Ты запретишь... Она встаетъ и бѣжитъ къ двери. Беллидоръ?..

Беллидоръ за дверью. Беатриса! это я... открой скорѣе...

БЕАТРИСА. Да... да...

Она раскрываетъ большія ворота. На порогѣ появляется Беллидоръ въ кольчугѣ и голубомъ плащѣ. Рядомъ съ нимъ мальчикъ, въ рукахъ у котораго роскошныя одежды и драгоценныя украшенія. Недалеко отъ двери, подъ деревомъ, старикъ держитъ подъ уздцы пару богато убранныхъ коней. Въ дверь виднѣтся темная лазурь звѣзднаго неба и убѣгающее въ даль, освѣщенное луною, поле.

БЕАТРИСА, приближаясь къ нему. Вы одни? — Кто тамъ подъ деревомъ?..

Беллидоръ. Подойди, подойди сюда, не бойся ничего... Онъ становится на колѣни у порога и цѣлуетъ край ея одежды. Беатриса! Какъ ты прекрасна въ эту минуту, когда ты идешь навстрѣчу мерцающимъ звѣздамъ, которыя ждутъ тебя у порога! Онѣ знаютъ, что на свѣтѣ родилось великое счастье. И подобно золотому песку, которымъ молча усыпаютъ путь царицы, онѣ разсыпались по длиннымъ голубымъ до-

рогамъ, куда мы вступимъ... Что съ тобою?.. Ты уже колеблешься?.. Ты отвернулась?.. Нѣтъ, нѣтъ, мои руки обнимаютъ тебя, обнимаютъ тебя на вѣки, передъ лицомъ неба... ты больше не уйдешь, и, налагая свои оковы, любовь освобождаетъ тебя... Иди, иди, не ищи больше блѣдной тѣни лампы, гдѣ эта любовь дремала. Она увидѣла свѣтъ, котораго не замѣчала; и каждый мимолетный лучъ озаряетъ ея торжество, связуетъ наши юныя души и опредѣляетъ нашу судьбу... Беатриса! Беатриса! Я вижу тебя, я возлѣ тебя, касаюсь тебя, обнимаю тебя, я въ первый разъ цѣлую тебя!.. При этихъ словахъ онъ быстро поднимается и цѣлуетъ ее въ уста.

БЕАТРИСА отступаетъ, защищаясь, замирая. Нѣтъ... не цѣлуйте... вы мнѣ обѣщали...

Беллидоръ, цѣлуя ее снова. Да, но не любовь дала эти обѣщанія... Любовь не можетъ сказать, что не будетъ боготворить... отдавъ все, она уже ничего не обѣщаетъ!.. Она въ каждое мгновеніе раскрываетъ все, чего можетъ достигнуть; и когда она поклялась заглушить жажду поцѣлуя или ждать его, она цѣлуетъ сто тысячъ разъ, чтобы стереть оскорбленіе, нанесенное своимъ же устами!.. Онъ сильнѣе обнимаетъ ее и старается увлечь за собою. Иди же, иди!.. Ночь проходитъ... Заря уже занимается, и мои кони уже рвутся. Еще одинъ шагъ, еще одна ступень, и наши сердца во власти неизвѣданнаго пути!.. Онъ вдругъ замѣчаетъ, что Беатриса теряетъ сознаніе въ его объятіяхъ. Ты не отвѣчаешь мнѣ?—Я не слышу больше твоего дыханія... твои колѣни сгибаются... Иди же, иди, мы не должны ожидать, пока завистливая заря не раскинетъ свои золотыя сѣти на лазурныхъ путяхъ, ведущихъ къ счастью...

БЕАТРИСА, почти безъ чувствъ. Нѣтъ, нѣтъ, нельзя... Миѣ еще нельзя...

Беллидоръ. Беатриса!—Ты блѣднѣешь, и мои поцѣлуи гаснуть при прикосновеніи къ твоимъ устамъ, какъ искры на поверхности холодной воды! Подыми же свое прекрасное лицо, раскрой свои нѣжныя уста, которыя уже не хотятъ больше улыбаться... Ахъ! это тяжелое покрывало душитъ тебя и гнететъ твое сердце. Оно соткано для смерти, а не для жизни.

Въ то время какъ она повидимому еще безъ сознанія, онъ бережно снимаетъ покрывало съ ея чела. Тотчасъ же обнажаются первыя пряди золотистыхъ волосъ; потомъ, освобождаясь отъ послѣднихъ складокъ покрывала подобно вспыхнувшему пламени, рассыпаются роскошныя кудри и закрываютъ все лицо пробуждающейся Беатрисы.

Беллидоръ, восхищенный. Ахъ!..

БЕАТРИСА тихо, какъ бы просыпаясь отъ сна. Что ты сдѣлалъ, Беллидоръ?—Чего я касаюсь своими руками? Какая нѣжная ткань ласкаетъ мое чело?..

Беллидоръ, опьяненный, безумно цѣлуя рассыпавшіяся кудри. Вотъ!.. Вотъ!.. Твое же пламя пробуждаетъ тебя; твоя же красота опьяняетъ тебя, твои собственные лучи озаряютъ тебя!.. Ахъ! Ты и не знала и я не зналъ, что ты такъ прекрасна!.. Я думалъ, что видѣлъ тебя и полагалъ, что люблю тебя!.. Мигъ тому назадъ ты была самымъ прекраснымъ видѣніемъ моихъ дѣтскихъ сновъ; теперь ты прекраснѣе всѣхъ волшебныхъ видѣній въ моихъ прозрѣвшихъ глазахъ, въ моихъ рукахъ, которыя тебя

касаются, въ моемъ сердцѣ, обрѣтающемъ тебя!.. Подожди, подожди, ты вся должна стать, какъ твое лицо, ты вся должна быть королевой!..

Быстрымъ движеніемъ онъ снимаетъ съ нея плащъ, и она остается въ длинномъ бѣломъ шерстяномъ платьѣ. Потомъ онъ дѣлаетъ знакъ мальчику. ожидавшему все время у двери. Тотъ приближается съ драгоценными одеждами, золотымъ поясомъ и ожерельемъ изъ жемчуга. Въ это время Беатриса припала къ подножію Мадонны и рыдаетъ, спрятавъ лицо въ складкахъ покрывала и плаща.

БЕАТРИСА. Нѣтъ... Нѣтъ... Я не хочу! Ползая на колѣняхъ у подножія статуи. Мать моя!.. Ты видишь... Безъ твоей помощи я не въ силахъ больше бороться!.. Если ты меня покидаешь, я не могу больше молиться!..

Беллидоръ, подбѣгая къ ней и облекая ее въ пышныя одежды, взятыя изъ рукъ мальчика. Беатриса!.. Пора!.. Вотъ одежды твоей начинающейся жизни!.. Я не рабу отнимаю у Бога, я возвращаю счастьемъ повелительницу!..

БЕАТРИСА, продолжая стоять на колѣняхъ и хватаясь руками за рѣшетку у полножія статуи. Владычица!.. выслушай меня. Я не умѣю больше молиться, я не въ силахъ больше говорить... У меня остались одни рыданія!.. Я не знала, что люблю его такъ сильно; я не знала, что я Тебя люблю такъ глубоко!.. Выслушай меня!.. Взгляни... Я просто ребенокъ, который не можетъ ничего предвидѣть... Мнѣ такъ часто говорили, что Ты все благословляешь, что Ты добра и милосердна.

Беллидоръ, стараясь поднять ее и осторожно оторвать отъ

рѣшетки. Да, да, она милосердна... Она царица неба, созданнаго любовью... Разомкни свои нѣжныя руки, похолодѣвшія отъ желѣза. Взгляни на ея лицо; въ немъ нѣтъ гиѣва: оно прощаетъ, оно сіяетъ. Ея взоръ встрѣтилъ мольбу твоихъ глазъ, твои слезы озаряютъ ласку ея улыбки... Она ли умоляетъ тебя, или ты прощаешь? Мои глаза васъ не различаютъ, мнѣ кажется, что я вижу двухъ сестеръ, чьи руки благословляютъ другъ друга въ торжествѣ любви!..

БЕАТРИСА, поднимая глаза и глядя на Мадонну. Да, мнѣ часто говорили, что я похожа на нее...

Беллидоръ. Посмотри на ея волосы сквозь свои собственные, когда я перебираю пальцами это зыбкое покрывало... это—лучи одного и того же свѣта, одного и того же очарованія!.. Въ то время, какъ онъ говоритъ, монастырскіе часы бьютъ три часа.

БЕАТРИСА, выпрямляясь, вдругъ. Слышишь!?.

Беллидоръ. Три часа!

БЕАТРИСА. Въ этотъ часъ я должна была звонить къ заутрени.

Беллидоръ. Иди же, иди... свѣтаетъ; вотъ и окна ужъ начинаютъ синѣть...

БЕАТРИСА. Да, вотъ тѣ окна, которыя я раскрывала навстрѣчу зарѣ, чтобы свѣтъ и свѣжесть утра и пѣніе птичекъ привѣтствовали моихъ сестеръ при ихъ пробужденіи. Вотъ и веревка отъ того колокола, который будилъ ихъ и извѣщалъ о концѣ ночи. Вотъ и входъ въ церковь. Ужъ я не буду больше открывать этой тяжелой двери въ часъ разсвѣта. Эти свѣчи на алтарѣ будутъ зажигать другая... Вотъ золотая кружка, вотъ корзина для раздачи

милостыни, вотъ одежды для бѣдныхъ... Они сейчасъ придуть сюда, будутъ звать меня по имени и не найдутъ никого...

Беллидоръ. Идемъ же, свѣтъ ярче; твои сестры сейчасъ проснутся... мнѣ кажется, что гдѣ-то уже слышатся шаги...

Беатриса. Это идутъ мои сестры... онѣ такъ любили меня и считали такой святой! Здѣсь онѣ найдутъ все, что осталось отъ грѣшной Беатрисы... и покрывало и плащъ, которые касались этихъ плитъ... Поднимая покрывало и мантию и кладя ихъ на рѣшетку у подножія Мадонны. Я не хочу, чтобы хоть одна изъ нихъ могла подумать, что я попирала ногами данную мнѣ ими одежду невинности... Мать моя, скажи имъ, что я еще вернусь... Бережно складывая одежды на рѣшеткѣ. Пусть малѣйшая пылинка не коснется этихъ одеждъ... Мать моя, я Тебѣ ихъ отдаю и Ты храни ихъ... Я отдаю Тебѣ все, что имѣю, все, что я получила за эти четыре года. Вотъ мои четки съ серебрянымъ крестомъ, вотъ моя бичева, вотъ тѣ три ключа, которые я носила у пояса... Вотъ этотъ отъ сада, вотъ этотъ отъ входной двери, а этотъ—отъ церкви... Я ужъ больше не увижу зеленого сада... Не увижу бѣлоснѣжнаго покрывала на престолѣ, которое трепетало въ нашихъ рукахъ, какъ маленькій ручей въ облакахъ ладона. Развѣ на небесахъ написано, что нѣтъ больше прощенія, что любовь проклята что нѣтъ искупленія?.. Скажи же мнѣ!.. Скажи!.. Я еще не погибла, если Ты того захочешь... Я не прошу у Тебя ничего невозможнаго!.. Достаточно одного Твоего знака... такого ничтожнаго знака, котораго никто не замѣтитъ.. Если падающая на Твое лицо тѣнь отъ лампы хоть чу-

точку сдвинется съ мѣста, я не уйду... Я не уйду отсюда... Сядься надо мною, мать моя!.. я смотрю... я смотрю... я жду!.. жду!.. Она долго и пристально смотритъ на лицо Мадонны. Все остается неподвижнымъ.

Беллидоръ обнимаетъ ее и страстно цѣлуетъ въ уста. Идемъ!..

БЕАТРИСА, цѣлуетъ его въ первый разъ. Идемъ...

Они выходятъ, крѣпко обнявшись. Разсвѣло. Дверь остается открытой, въ нее видна постепенно освѣщающаяся окрестность. Слышенъ удаляющійся конскій топотъ. Занавѣсъ опускается. Немного спустя, въ разсвѣтномъ воздухѣ раздается монастырскій колоколь, гулко призывая къ заутренѣ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же декорация. Монастырскія ворота заперты; всѣ окна въ коридорѣ раскрыты навстрѣчу солнечнымъ лучамъ. При поднятіи занавѣса слышны послѣдніе удары колокола, зовущаго къ заутренѣ. Послѣ поднятія занавѣса изображеніе Мадонны оживаетъ, какъ бы просыпаясь отъ долгаго божественнаго сна. Она медленно спускается по ступенямъ пьедестала, подходитъ къ рѣшеткѣ и надѣваетъ поверхъ своей одежды и сверкающихъ волосъ покрывало и плащъ, оставленные Беатрисой. Затѣмъ поворачивается направо и простираетъ руку, при чемъ церковная дверь сама отворяется и видно, какъ въ часовнѣ, одна за другой, какъ бы чудомъ зажигаются всѣ свѣчи.— Послѣ этого она поправляетъ лампадку и, взявъ корзину съ одеждами для бѣдныхъ, съ пѣніемъ направляется къ двери.

М а д о н н а поетъ.

Гдѣ скорбь туманитъ душу,
И тамъ, гдѣ дышитъ грѣхъ,
Я изъ чертоговъ звѣздныхъ
Врачую въ жизни всѣхъ.

Смолкаетъ пылъ грѣховный
Въ трепещущей крови,
Когда душа воспрянетъ,
Съ молитвою любви.
И даже уклонившись
Отъ пыли неземной,
Любовь въ слезахъ горячихъ
Сольется вновь со мной...

При послѣднихъ словахъ этой пѣсни слышенъ робкій стукъ въ ворота. Мадонна открываетъ ихъ настежь. На порогѣ появляется дѣвочка, босая, блѣдная отъ изнеможенія, вся въ лохмотьяхъ. Она на половину прячется за дубовый наличникъ и, высунувъ голову, удивленно смотритъ на Мадонну.

Мадонна. Здравствуй, Аллетта. Почему ты прячешься?

Аллетта, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, въ испугѣ и восторгѣ, выходитъ впередъ. Сестра Беатриса, въ сегодня прекраснѣе ея!

Мадонна. Сегодня день Господень, и я очень счастлива.

Аллетта. Зачѣмъ это сіяніе на вашей одеждѣ?

Мадонна. Да оно всюду, когда восходитъ солнце...

Аллетта. А почему у васъ въ глазахъ свѣтятся звѣзды?

Мадонна. Онѣ часто свѣтятся въ глубинѣ молящихся глазъ...

Аллетта. Почему у васъ въ рукахъ лучи свѣта?

Мадонна. Свѣтъ всегда въ рукахъ подающихъ милостьню...

Аллетта. Я пришла одна-одинешенька...

Мадонна. Гдѣ же наши нишіе братья?

Аллетта. Они не смѣютъ притти послѣ этого происшествія.

Мадонна. Какого происшествія?

Аллетта. Они видѣли Беатрису на лошади принца.

Мадонна. Развѣ я не похожа на смиренную Беатрису?

Аллетта. Они говорятъ, что видѣли ее и что она говорила съ ними...

Мадонна. Но Богъ не видѣлъ ее и не слышалъ ничего... Она беретъ дѣвочку на руки и цѣлуетъ ее въ лобъ. Моя маленькая Аллетта!... Одну тебя я могу цѣловать сегодня... Невинность почувствовала присутствіе Бога, но не страшится... Смотритъ Аллеттѣ въ глаза. Какъ чиста человѣческая душа, когда ее видишь такой... Ангелы прекраснѣе, но они не знаютъ слезъ... Бѣдное дитя мое, я слышу потокъ твоихъ слезъ въ глубинѣ грядущаго и ты извѣдаешь обиліе ихъ... Опуская Аллетту на порогъ. Гдѣ наши нищие братья?... Пойди и скажи имъ, что милосердіе горитъ не терпѣніемъ, ступай, скажи имъ—пусть торопятся...

Аллетта, поворачивая голову и смотря въ дверь. Вотъ они идутъ, сестра Беатриса.

Нищие, старики, разслабленные, больные, женщины съ маленькими дѣтьми на рукахъ робко приближаются къ воротамъ и, думая, что узнаютъ Беатрису, съ боязнью, нерѣшительно, въ изумленіи подходятъ къ порогу, останавливаются у входа, смотрятъ и ждутъ.

Мадонна, наклонясь надъ корзиной съ одеждами. Чего вы ждете, братья, что случилось? Торопитесь, слѣшите: уже

солнышко восходитъ. Теперь часъ молитвы и скоро пройдутъ мои сестры, дверь закроютъ и милостыню отложатъ. Идите всѣ, уже время, спѣшите... Идите всѣ...

Старый нищій, подходя ближе. Сестра, въ эту ночь мы видѣли два привидѣнія...

Мадонна даетъ ему плащъ, который начинаетъ сіять по мѣрѣ того, какъ она вынимаетъ его изъ корзины. Не надо вспоминать о ночныхъ привидѣніяхъ...

Калѣка, подходя на костыляхъ. Сестра, у насъ были дурныя мысли.

Мадонна даетъ ему одежду, которая покрывается драгоценными камнями. Братъ мой, раскройте глаза, это—часъ прощенія...

Нищая. Сестра, для моей матери нуженъ саванъ.

Другая. Сестра, я васъ прошу для нашего новорожденнаго...

Нище, протягивая руки къ Мадоннѣ, тѣснится вокругъ нея жадною стонущей толпою. Склоняясь надъ корзиной, она щедро раздаетъ имъ одежды, горящія лучами свѣта, усыпанныя искрами покрывала, свѣтящееся бѣлье. Чѣмъ больше она достаетъ изъ корзины, тѣмъ больше она наполняется все болѣе и болѣе роскошными одеждами. Какъ бы опьяненная совершаемымъ чудомъ, одѣляя нищихъ, своими сокровищами наполняя ихъ руки, покрывая плечи, облакая дѣтей въ сіяющія ткани, Мадонна говоритъ.

Мадонна. Придите всѣ... Придите всѣ... Вотъ бѣлый саванъ, а вотъ смѣющіяся пеленки... Вотъ жизнь и

смерть, а вотъ снова жизнь!.. Придите всѣ, придите всѣ, это—часъ любви, а любовь безгранична. Придите всѣ... Помогайте другъ другу, прощайте обиды и сливайте въ жизни ваше счастье и ваши слезы... любите другъ друга, молитесь за тѣхъ, кто падаетъ!.. Придите всѣ, берите все, Господь не видитъ зла, которое дѣлають безъ ненависти... Придите всѣ, прощайте, ибо нѣтъ грѣха, котораго не коснется прощенье...

Изумленные, растерянные нишіе одѣты въ блестящія одежды. Одни убѣгаютъ въ поле, размахивая усыпанными камнями платьями, издавая крики радости. Другіе, рыдая отъ счастья, стараются поцѣловать руки Мадонны. Большинство же, безмолвные и какъ бы пораженные страхомъ Божьимъ, опустили на паперти на колѣни и шепчуть молитвы. Тутъ раздастся ударъ колокола, и корзина сразу пустѣеть. Мадонна нѣжно отстраняетъ тѣснящихся вокругъ нея нищихъ и закрываетъ ворота.

Мадонна, запирая дверь. Идите съ миромъ, братья, теперь часъ молитвы...

За дверью еще слышенъ молитвенный шопотъ нищихъ, который постепенно превращается въ торжественный гимнъ благодарности и восторга. Слышенъ второй, потомъ третій ударъ колокола. Изъ глубины коридора налѣво выходятъ монахини съ игуменьей во главѣ и медленно приближаются подъ сводами къ дверямъ часовни.

Игуменья останавливается перель Мадонной, которая стоитъ

у закрытыхъ дверей, опустивъ голову и скрестивъ руки на груди. Сестра Беатриса, въ этотъ мѣсяцъ солнца надо звонить къ заутренѣ безъ четверти три часа. Вы будете поститься три дня и молиться три ночи у подножія статуи Богоматери.

Мадонна, склоняя голову въ знакъ глубокой покорности. Благословенъ Всевышній, мать моя...

Игуменья, идя дальше, доходить до статуи, которую раньше закрывалъ отъ нея сводъ въ стѣнѣ у входа. Она хочетъ стать на колѣни, но, поднявъ глаза, останавливается и вскрикиваетъ, роняетъ молитвенникъ и посохъ и дѣлаетъ движеніе невыразимаго изумленія и ужаса.

Игуменья. Ея больше нѣтъ!...

Встревоженные, потомъ обезумѣвшія отъ страха, монахини бѣгутъ къ ней, окружаютъ игуменью, тѣснятся вокругъ пьедестала. Когда же проходитъ первый припадокъ оцѣпенѣнія, возмущенныя и перепуганныя, онѣ всѣ сразу начинаютъ рыдать, говорить, кричать, издавать стоны, кто стоя, кто упавъ на колѣни, кто распростершись на землѣ, кто пошатываясь.

Монахини. Ея больше нѣтъ! Мадонна исчезла... Статую украли!.. Нечестивые, нечестивые! Мать наша! Мать наша! Святотатство! Святотатство! Мать наша, что намъ дѣлать? Монастырь оскверненъ! Святотатство! Святотатство! Монастырь сейчасъ обрушится! Святотатство! Святотатство
Игуменья зоветъ. Сестра Беатриса!

Мадонна подходит и останавливается передь игуменьей у пьедестала. Она пристально смотрит на мѣсто, гдѣ стояло ся изваяніе, и, какъ бы замкнувшись отъ вѣдшнаго міра, ея лицо и ея неподвижные глаза сіяютъ невозмутимымъ молчаньемъ и надеждой.

Игуменья. Сестра Беатриса, вы должны были охранять ее. Вы должны были день и ночь заботиться о славѣ Той, которая превратила этотъ монастырь въ сокровищницу своей милости и въ обитель своей любви. Я понимаю ваше смущеніе и раздѣляю вашъ ужасъ. Все же не бойтесь. Замысль воли Божьей часто уничтожаетъ плоды нашего усердія и нашей бдительности. Говорите же, отвѣчайте мнѣ, вы должны были видѣть, вы должны знать... Мадонна не отвѣчаетъ. Да говорите же! отвѣчайте! Что съ вами? Мнѣ это кажется страннымъ, порою ваше лицо будго озаряется... Что это за одежда, не похожая на тѣ, что мы носимъ? Не обманываютъ ли меня мои глаза? Взглянувъ на васъ, можно было бы сказать, что вы уже не та!.. Что у васъ спрятано подъ плашемъ? Что это такъ ярко свѣтится сквозь вашу власяницу? Касаясь плаша Мадонны. Что же это за власяница, прозрачныя складки которой обдають мои руки лучами свѣта? Она поднимаетъ мантию и видитъ золотой поясъ. Боже! Что это такое?!

Она снимаетъ плащъ, потомъ тѣмъ же движеніемъ возмущеннаго изумленія срываетъ покрывало съ волосъ Мадонны. Неподвижная и какъ бы безчувственная, она неожиданно является передь ними въ тѣхъ же одеж-

дахъ, совершенно похожая на свое собственное изваяніе, стоявшее на пьедесталѣ въ теченіе перваго дѣйствія. При видѣ этого, игуменей и толпою окружившихъ ее монахинь на одинъ мигъ овладѣваетъ молчаливое и мучительно недовѣрчивое оцѣпенѣніе; но затѣмъ игуменья первая овладѣваетъ собой и, закрывъ лицо въ знакъ ужаса, отчаянія и проклятія, вскрикиваетъ:

Игуменья. Боже Милосердый!

Монахини. Заступница наша!.. Пречистая дѣва! Она сняла одежду со статуи!.. Сестра Беатриса!.. Не ѣотвѣчаетъ!.. Проклятіе!.. Проклятіе!.. Проклятіе!.. Стѣны будутъ мстить! Безуміе!.. Безуміе!.. Безуміе!.. Ужась!.. Ужась!.. Ужась!.. Не будемъ ждаты молніи! Святотатство!.. Святотатство!..

Монахини отступаютъ и въ страхѣ хотятъ бѣжать. Игуменья, поднявъ руку и повысивъ голосъ, удерживаетъ ихъ.

Игуменья. Выслушайте меня, дочери мои... Не убѣгайте!.. Будемъ ждаты своей участи... Останемся вмѣстѣ, сплетемъ наши руки, окружимъ святотатство нашими молитвами, постараемся смягчить грозящій намъ гнѣвъ...

Сестра Клементина. Мать моя! Умоляю васъ! Не надо тамъ ждаты...

Сестра Фелисита. Пойдемъ за священникомъ.

Игуменья. Да, вы—правы... Сходите за нимъ, сестра Клементина, сестра Фелисита... Сестра Климентина и сестра Фелисита направляются въ часовню. Скорѣе, скорѣе, ему лучше знать, что нужно сдѣлать, чтобы отклонить, если еще не

поздно, торжество Отверженнаго и мечъ Архангела..
Сестры мои, бѣдныя сестры мои, у ужаса нѣтъ больше
имени и нашъ взоръ проникъ въ глубину адскихъ безднъ.

Сестра Гизела, приближаясь къ Мадоннѣ. Осквернитель-
ница!..

Сестра Бальбина, приближаясь въ свою очередь. Нече-
стивая!..

Сестра Регина въ изступленіи. Дьяволъ, дьяволъ!
Дьяволъ!..

Сестра Эглантина опечаленнымъ, исполненнымъ глубо-
кой нѣжности, голосомъ. Сестра Беатриса, что ты сдѣлала?..

При звукахъ этого голоса Мадонна
поворачиваетъ голову, смотритъ на
сестру Эглантину и улыбается ей бо-
жественной улыбкой.

Сестра Бальбина сестрѣ Эглантинѣ. Она смотритъ на
вась...

Сестра Эглантина. Сестра Беатриса, ты, можешь
быть, не знала...

Игуменья. Сестра Эглантина, я запрещаю вамъ гово-
рить съ ней...

Въ это время на порогъ часовни
появляется священникъ въ полномъ
облаченіи, въ сопровожденіи двухъ
сестеръ и пѣвчихъ мальчиковъ, пора-
женныхъ страхомъ.

Священникъ. Сестры мои, молитесь за нее!

Игуменья, бросаясь на колѣни. Отецъ мой, вы ужъ
знаете!..

Священникъ строго. Сестра Беатриса!
Мадонна неподвижна.

Священникъ рѣзкимъ голосомъ. Сестра Беатриса!

Мадонна остается неподвижной.

Священникъ громовымъ голосомъ. Сестра Беатриса! Во имя Бога Живаго, чей гнѣвъ дрогнулъ вокругъ этихъ стѣнъ, я въ третій разъ зову тебя по имени...

Игуменья. Она не слышитъ...

Сестра Регина. Она не хочетъ слушать...

Сестра Бальбина съ отчаяніемъ. Горе! Горе намъ!

Сестра Гизела. Отецъ мой! Заступитесь за насъ! Сжальтесь надъ нами!..

Священникъ. Сомнѣнія больше быть не можетъ. Я узнаю адскую гордость Князя Тьмы и Отца Гордыни. Обращаясь къ игуменьѣ. Сестра моя, я предаю ее вамъ. Человѣческая снисходительность не должна посягать на права безконечной любви... Идите, сестры мои, идите и ведите преступницу къ подножію алтаря и передъ лицомъ Того, передъ кѣмъ падаютъ ницъ Ангелы, сорвите всѣ одежды и всѣ украшенія, похищенные святотатственной рукою; развяжите свои пояса, скрутите бичевы свои, снимите съ колоннъ ремни для вѣроломныхъ и розги великаго покаянія. Идите, идите же, сестры мои, пусть руки ваши не знаютъ жалости и будутъ жестоки. Ихъ вооружаетъ милосердіе и благословляетъ любовью!..

Монахини уводятъ за собою Мадонну. Она идетъ среди нихъ спокойная, равнодушная и покорная. Всѣ, за исключеніемъ сестры Эглантины, уже развязали двойныя веревки съ узлами, которыми были подпоясаны. Онѣ входятъ въ часовню и двери за ними затворяются. Священникъ, оставшись наединѣ, падаетъ ницъ передъ опу-

стѣлымъ пьедесталомъ. Довольно продолжительное молчаніе. Вдругъ изъ-за церковныхъ дверей доносится невыразимо сладкое пѣніе. Это гимнъ Богоматери „Ave Maris Stella“, исполняемый какъ бы отдаленными ангельскими голосами. Мало-помалу пѣніе становится явственнѣе, приближается, звучитъ шире и могучественнѣе, какъ если бы въ немъ принимала все болѣе и болѣе горячее, все болѣе и болѣе неземное участіе невидимая, постепенно нарастающая толпа. Въ то же время къ нему примѣшивается грохотъ опрокинутыхъ стульевъ въ церкви, падающихъ подсвѣчниковъ, сдвигаемыхъ скамеекъ и возгласы испуганныхъ человѣческихъ голосовъ. Наконецъ дверь съ силою открывается настежь, и въ нее виденъ храмъ, весь объятый пламенемъ и таинственнымъ сіяніемъ, лучи котораго колеблются, становятся ярче, горятъ въ разныхъ направленіяхъ, разливаются безконечно большимъ блескомъ, чѣмъ солнечный свѣтъ въ коридорѣ. И вотъ, среди восторженныхъ хвалебныхъ пѣснопѣній, вырывающихся со всѣхъ сторонъ, запружая толпою слишкомъ узкую дверь, шатаясь на ступеняхъ появляются монахи, растерянные, подавленные, съ преображенными лицами, опьяненные радостью и сверхъестественнымъ ужасомъ; онѣ машутъ ослѣпительно яркой зеленью, усыпаны чудесными цвѣтами, которые повышаютъ экстазь, обвиты

съ ногъ до головы живыми гирляндами, мѣшающими имъ двигаться, ослѣвлены дождемъ лепестковъ, который хлынул со сводовъ. Онѣ подавлены этимъ волшебнымъ обиліемъ; стараясь на каждомъ шагу освободиться отъ бремени цвѣтовъ, которое въ ихъ рукахъ становится еще больше, онѣ окружаютъ стараго священника, уснѣвшаго уже подняться на ноги. Слѣдующія за ними тоже приближаются, въ волнахъ живыхъ цвѣтовъ, которые, не переставая, льются по ступенямъ портала.

Монахини однимъ хоромъ и со всѣхъ сторонъ, выходя изъ часовни, наполняя коридоръ, съ пѣніемъ обнимаясь подъ цвѣточнымъ ливнемъ. Чудо! Чудо! Чудо! Ахъ, мой отецъ! Мой отецъ! Осанна! Осанна! Осанна! Отецъ, я больше ничего не вижу. Осанна! Осанна! Господь сошелъ къ намъ! Небеса разверзлись! Ангелы окружаютъ насъ,—цвѣты насъ преслѣдуютъ! Осанна! Осанна! Сестра Беатриса—святая! Пусть гудятъ колокола, пока не разобьются! Сестра Беатриса—святая! Сестра Беатриса святая!...

Сестра Регина. Только я захотѣла коснуться ея святыхъ одеждъ...

Сестра Эглантина, вся покрытая цвѣтами болѣе яркими, чѣмъ другія... Какъ вспыхнулъ огонь, заговорили лучи!

Сестра Клементина. Ангелы на алтарѣ повернулись къ намъ...

Сестра Гизела. Сплетая руки, надъ нею склонились святые!..

Сестра Эглантина. Статуи преклонили колѣни!..

Сестра Фелисита. Развернувъ свои крылья, запѣли архангелы!..

Сестра Клементина. Всѣ небесныя цвѣты посыпались изъ нашихъ рукъ!..

Сестра Фелисита. Съ каждымъ ударомъ наши руки озаряли ее свѣтомъ.

Сестра Жизель, держа въ рукахъ огромную гирлянду розъ. Живыя розы отклоняли наши удары...

Сестра Бальбина, размахивая огромнымъ снопомъ лилій. Наши розги покрывались чудесными лиліями!..

Сестра Фелисита, потрясая сияющими пальмами. Ремни загорались, какъ длинныя вѣтви золотой пальмы!..

Игуменья, ставъ на колѣни у ногъ священника. Отецъ, я согрѣшила!.. Сестра Беатриса—святая...

Священникъ, становясь на колѣни. Дочери мои, и я согрѣшилъ! Пути Господни неисповѣдимы!..

Въ это время слышенъ стукъ въ монастырскія ворота и Мадонна, снова принявъ чловѣческій видъ и, какъ прежде, въ скромномъ плащѣ и покрывалѣ Беатрисы, появляется на порогѣ часовни. Опустивъ глава и скрестивъ руки, она спускается по лѣстницѣ, идетъ мимо колѣнопреклоненныхъ сестеръ, по цвѣтамъ, которые при этомъ выпрямляются; принимаясь, какъ ни въ чемъ не бывало, за свои обязанности, она направляется къ воротамъ и раскрываетъ ихъ настежь. Входятъ три богомольца, усталые, старые, въ лохмотьяхъ. Мадонна, сдѣлавъ передъ

ними глубокой поклонъ, беретъ съ находящагося рядомъ съ нею бронзоваго треножника бѣлое полотенце и золотой кувшинъ и, молча, льетъ воду на ихъ запыленные руки.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же декорация. Статуя Мадонны стоитъ на пьедесталѣ, какъ въ первомъ дѣйствіи. Покрывало, плащъ и связка ключей Беатрисы лежатъ на рѣшеткѣ. Дверь въ часовню открыта, свѣчи на алтарѣ зажжены, передъ статуей теплится лампада, и корзина для нищихъ полна одсждь. Однимъ словомъ, все имѣеть совершенно тотъ же видъ, какъ въ часъ бѣгства монахини съ принцемъ Беллидоромъ, только монастырскія ворота заперты. Зима. Занимается день, колокола кончаютъ звонъ къ заутренѣ, хотя никто не приводитъ ихъ въ движеніе и видно, какъ на паперти у часовни веревка отъ колокола то поднимается, то опускается въ пустотѣ. Затѣмъ колоколь умолкаетъ и наступаетъ тишина, среди которой трижды раздается осторожный, съ большими промежутками, стукъ въ монастырскія ворота. Съ третьимъ ударомъ ворота сами тихо поддаются на своихъ петляхъ, распахиваются настежь, открывая бѣлую, пустынную и безлюдную равнину. Среди

вихрей снѣга, засыпающаго порогъ, приближается усталая, изнуренная, неузнаваемая та, что нѣкогда была сестрой Беатрисой. Она неузнаваема. Она вся въ лохмотьяхъ, ея уже сѣдые волосы спускаются на болѣзненно исхудалое, посинѣвшее лицо. Въ помертвѣвшихъ глазахъ остался одинъ лишь неподвижный и слишкомъ разсѣянный взглядъ человѣка, который жаждетъ смерти и больше не надѣется ни на что. Она на минуту останавливается передъ открытою дверью, затѣмъ, не видя никого, опираясь о двери, ошупью подвигается впередъ, шатаясь отъ усталости, и испуганно смотритъ въ глубь коридора, какъ затравленный звѣрь. Но коридоръ пустъ, она дѣлаетъ еще нѣсколько робкихъ шаговъ и, замѣтивъ статую Малонны, издастъ крикъ, къ которому примѣшивается какая-то слабая и тѣпная надежда на освобожденіе... она бросается впередъ, опускается на колѣни и припадетъ къ подножію статуи.

Беатриса. Мать моя, вотъ я... Не отталкивай меня... у меня ничего больше не осталось въ мірѣ... Я надѣялась снова увидѣть Тебя, но я пришла слишкомъ поздно, глаза мои готовы закрыться на вѣки, я не вижу больше Твоей улыбки, руки мои кажутся мнѣ мертвыми, когда я простираю ихъ къ Тебя. Я не умѣю больше молиться, я не въ силахъ больше говорить, но такъ какъ нужно сознаться во всемъ, то я пролила столько слезъ, что у меня уже давно не стало способности плакать. Я бѣдная Беатриса... Прости

меня, что я произношу имя, которое никогда бы не слѣдовало называть... Ты теперь ужъ не узнаешь своей дочери... Смотри, въ какое состояніе привели ее любовь и грѣхъ и все, что люди называютъ счастіемъ... Вотъ ужъ больше двадцати лѣтъ, какъ я покинула Тебя, и если Богу не угодно, чтобы люди были счастливы, то онъ проститъ меня, такъ какъ я не извѣдала счастья... Я возвращаюсь сегодня и ничего не прошу для себя, мой часъ прошелъ и у меня нѣтъ силъ получать... Я пришла умереть здѣсь, въ этомъ святомъ домѣ, если только сестры мои позволяютъ мнѣ умереть тамъ, гдѣ я упала... Онѣ конечно знаютъ; вѣдь тамъ въ городѣ позоръ мой былъ такъ великъ, что имъ нельзя не знать... Но онѣ знаютъ такъ мало, и даже Ты, которой открыто все, не узнаешь никогда, сколько зла мнѣ пришлось перенести и сколько горя я вынесла... Я хочу имъ всѣмъ разказать о мученіяхъ любви... Озираясь кругомъ. Зачѣмъ я тутъ одна?.. Обитель пуста, точно мои грѣхи внесли въ нее пустыню... Кто занялъ мое мѣсто у алтаря, кто охраняетъ теперь порогъ, который я осквернила?.. Лампада теплится, свѣчи горятъ, уже звонили къ заутренѣ, ужъ вотъ и заря занимается, а никого еще нѣтъ... Замѣтивъ покрывало и плащъ на рѣшеткѣ. Что это? Нѣсколько приподнимается, приближается къ одеждѣ на колѣняхъ и трогаетъ ихъ руками. Мои бѣдныя руки такъ близки къ смерти, что ужъ не знаютъ, прикасаются ли онѣ къ предметамъ въ этой жизни или въ той... Неужели здѣсь тотъ же плащъ, который я оставила здѣсь... двадцать пять лѣтъ тому назадъ?.. Беретъ плащъ и машинально надѣваетъ его. Онъ все такой же, только онъ кажется гораздо длиннѣе... Онъ былъ мнѣ въ пору, когда я не горбилась и когда я была счастлива... Беретъ покрывало. А

вотъ и длинное покрывало, которое покроетъ меня въ часъ смерти... Владычица, прости мнѣ, если я совершаю святотатство!.. Мнѣ холодно... я нагая... мое рубище уже не прикрываетъ тѣла, которое не знаетъ куда ему укрыться... Мать моя! Не Ты ли сохранила для меня эти одежды, чтобы въ страшный часъ суда безжалостный огонь, который можетъ быть ждеть меня, пощадилъ меня на мигъ и былъ менѣ губителенъ? Слышенъ шумъ приближающихся шаговъ и стукъ открываемыхъ дверей. Что я слышу?.. Какъ и въ первомъ дѣйстви, три удара колокола извѣщаетъ о приближеніи монахинь. Мать моя! Дверь открывается... сейчасъ войдутъ мои сестры... у меня не хватило бы силы... Сжался надо мною! Стѣны давятъ меня, свѣтъ меня душитъ... мой позоръ написанъ на плигахъ этого пола... Ахъ!

Она падаетъ въ обморокъ у подножія Малонны. Монахини съ игуменьей во главѣ направляются къ часовнѣ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первомъ дѣйстви. Многія изъ нихъ совершенно состарились. Сама игуменья, согбенная старушка, опираясь о посохъ, съ трудомъ передвигаетъ ноги. Онѣ сразу замѣчаютъ Беатрису, лежащую безъ чувствъ поперекъ коридора. Испуганная и озабоченная онѣ спѣшатъ къ ней.

Игуменья, первая замѣтивъ ее. Сестра Беатриса умерла!..

Сестра Клементина. Небо ниспослало ее намъ, Всевышній ее у насъ и отнял!..

Сестра Фелицита. Для нея ужъ былъ готовъ вѣнецъ, ангелы ждали ее...

Сестра Эглантина поднимаетъ и поддерживаетъ голову

Беатрисы, цѣлуя ее съ благоговѣйнымъ страхомъ. Нѣтъ, нѣтъ, она еще не умерла:—она вздрагиваетъ,—она дышетъ...

Игуменья. Смотрите, какъ она блѣдна, какъ она исхудала...

Сестра Клементина. Она на десять лѣтъ постарѣла за эту ночь...

Сестра Фелицита. Она, видно, страдала и боролась до зари...

Сестра Клементина. Она была совѣмъ одна противъ легионовъ ангеловъ, хотѣвшихъ унести ее...

Сестра Эглантина. Да, вчера къ вечеру она была уже совѣмъ больна... Она дрожала, плакала—она, которая со дня чуда съ цвѣтами лепѣяла въ своихъ глазахъ улыбку чудеснаго событія... Она не хотѣла уступить мнѣ свое мѣсто: я жду возвращенія своей святой, говорила она...

Сестра Бальбина. Какого возвращеніе? какой святой?

Игуменья, поднимая глаза и видя Мадонну на прежнемъ мѣстѣ. Вотъ! Смотрите! Она здѣсь! Она вернулась!..

Всѣ монахини, за исключеніемъ сестры Эглантины, которая продолжаетъ поддерживать упавшую въ обморокъ Беатрису, поднимаютъ глаза, смотря, поворачиваются въ одну сторону и въ экстазѣ бросаются на колѣни вокругъ пьедестала.

Монахини. Мадонна вернулась! — Владычица наша! Владычица!—Мать наша спасена! На ней всѣ ея украшенія!—Ея діадема еще прекраснѣе! — Взглядъ ея еще болѣе глубоокъ! Она еще милостивѣе смотритъ на насъ!—Она со-

шла къ намъ съ неба! Это она намъ ее вернула! Да, да, на крыльяхъ ея святыхъ молитвъ!..

Сестра Эглантина. Идите же! Идите сюда! Я больше не чувствую бѣненія ея сердца...

Монахини опять возвращаются къ Беатрисѣ и окружаютъ ее.

Сестра Клементина. Сестра Беатриса! Сестра Беатриса! не покидай своихъ сестеръ въ день великаго чуда...

Сестра Фелисита. Мадонна улыбается тебѣ и уста ея зовутъ тебя...

Сестра Эглантина. Увы! Она больше не слышитъ... Она, видно, страдаетъ, ея лицо блѣднѣетъ...

Сестра Клементина. Отнесемъ ее на постель, въ ея келью.

Сестра Эглантина. Нѣтъ, лучше оставимъ ее близъ Той, кто любитъ ее и осѣняетъ чудесами...)

Монахини уходятъ въ келью и приносятъ одежды и простыни и кладутъ на нихъ Беатрису у подножія статуи.

Сестра Клементина. Она еле дышетъ... Снимемъ съ нея плащъ и развяжемъ покрывало..

Она это дѣлаетъ и монахинямъ видно рубище Беатрисы.

Сестра Фелисита. Мать моя, вы замѣтили эти мокрыя лохмотья?

Сестра Бальбина. Она вся ооченѣла подъ тающимъ снѣгомъ.

Сестра Клементина. Ея волосы посѣдѣли, а мы не замѣтили...

Сестра Фелисита. Ея обнаженныя ноги покрыты дорожною грязью...

Игуменья. Дочери мои, молчите. Мы у преддверія небесъ, и руки, что коснулись ея, озарятся сяньемъ,..

Сестра Эглантина. Грудь ея поднимается... Она сейчасъ откроетъ глаза...

Въ самомъ дѣлѣ Беатриса открываетъ глаза и, приподнявъ немного голову, озирается кругомъ. Затѣмъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна, говоритъ слабымъ и растеряннымъ голосомъ.

Беатриса. Когда умерли мои дѣти... Почему вы смѣетесь? Они умерли въ нищетѣ.

Игуменья. Мы не смѣемся, мы радуемся тому, что вы вернулись къ жизни.

Беатриса. Что я вернулась къ жизни... Окидывая окружающихъ болѣе сознательнымъ взглядомъ. Да, да, помню... Я пришла сюда изъ пучины своего томленія... Не смотрите на меня съ такимъ безпокойствомъ, я не буду больше позорить васъ, вы сдѣлаете со мною все, что захотите... Никто объ этомъ не узнаетъ и, если вы боитесь словъ, я ничего не буду говорить... Я на все готова, такъ какъ они разбили все, въ моемъ тѣлѣ, въ моей душѣ. Я знаю, я хорошо знаю, что не смѣю надѣяться умереть здѣсь у ногъ Мадонны, у самага порога часовни, такъ близко ото всего, что чисто, ото всего, что свято... и вы очень добры, что вооружились терпѣніемъ и не оттолкнули меня сейчасъ же... Но если вы можете, если Богъ допустить это, не гоните меня слишкомъ далеко отъ этого дома... Обо мнѣ не надо заботиться, не надо жалѣть меня, пусть я и очень больна, но ужъ не страдаю больше... Зачѣмъ вы положили меня на эти бѣлоснѣжныя ткани? Увы!.. Бѣлая ткань теперъ для меня лишь укоръ, — подавленный грѣхомъ

достоинъ только грязной соломы... Но вы смотрите на меня и молчите... Вы не сердитесь на меня... Я вижу слезы въ вашихъ глазахъ... думаю, что меня еще не узнали...

Игуменья, цѣлуя у нея руки. Да нѣтъ же, нѣтъ, мы васъ узнаемъ, вы же—наша святая!

(Беатриса, со страхомъ, быстро отнимая у нея руку. Не цѣлуйте этихъ рукъ, онѣ столько грѣшили!..)

Сестра Клементина, цѣлуя у нея ноги. Вы избранная душа, пришедшая къ намъ съ небесъ...

(Беатриса. Не цѣлуйте этихъ ногъ: онѣ спѣшили навстрѣчу грѣху!..)

Сестра Эглантина, цѣлуя ее въ лобъ. Мы будемъ цѣловать это ясное чело, увѣчанное чудомъ Божьимъ...)

Беатриса, закрывая руками лобъ. Что вы дѣлаете?.. Что случилось?.. Я не знала прощенія въ дни счастья... Не цѣлуйте этого лба, который былъ увѣчанъ роскошью. Но кто вы та, что касалась его? Не знаю, не обманываютъ ли меня мои усталые глаза, но если они продолжаютъ видѣть, то вы—сестра Эглантина.

Сестра Эглантина. Да, да, я сестра Эглантина, которую вы любили...)

Беатриса. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ я вамъ сказала, что я несчастна.

Сестра Эглантина. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ Богъ избралъ васъ изъ всѣхъ нашихъ сестеръ...

Беатриса. И вы это говорите безъ тѣни горечи... Я не совсѣмъ понимаю, что со мной... Я больна и слаба... Я не отдаю себѣ отчета и всѣ слова удивляютъ меня... Я не могла ожидать отъ себя... Но мнѣ кажется, что вы

ошибаетесь... Вѣдь я же... Перекреститесь и закройте свои лица... Я сестра Беатриса...

Игуменья. Ну, конечно, мы это знаемъ, вы сестра Беатриса, вы — наша сестра Беатриса, самая чистая изъ всѣхъ насъ, чудотворный агнецъ, непорочное пламя, крестная дочь ангеловъ...

(Беатриса. Ахъ! Это вы, мать моя? Я васъ не узнала! Вы были такая стройная, а теперь вы сторбились... Я тоже сторбилась и вотъ пала... Я васъ всѣхъ узнаю... Вотъ сестра Клементина... вотъ сестра Фелисита...)

(Сестра Фелисита, улыбаясь. Да, сестра Фелисита, что первая вышла изъ часовни вся въ цвѣтахъ...)

Беатриса. Вы не знали страданій, въ васъ не замѣтно печали... я была младшей, теперь я самая старая...

Игуменья. Божественная любовь — непосильное бремя...

Беатриса. Нѣтъ, это человѣческая любовь — тяжелое бремя... Вы тоже прощаете меня?..

Игуменья падастъ къ ногамъ Беатрисы.

Игуменья. Дочь моя, если кто нуждается въ прощеніи, то лишь та, что можетъ, наконецъ, припасть къ вашимъ ногамъ...)

Беатриса. Но развѣ вы не знаете, что я сдѣлала?

Игуменья. Вы только творили чудеса и съ того дня цвѣтовъ вы были свѣтомъ нашихъ душъ, оміамомъ нашихъ молитвъ, посредницей чудесъ, источникомъ благодати...

Беатриса. Я бѣжала двадцать пять лѣтъ тому назадъ съ принцемъ Беллидоромъ...

Игуменья. О комъ вы говорите, дочь моя?

Беатриса. О себѣ, я вамъ говорю о себѣ!.. Неужели вы не хотите понять меня? Я бѣжала двадцать пять лѣтъ

тому назадъ... Потомъ, къ концу третьяго мѣсяца, онъ бросилъ меня!.. онъ меня не любилъ больше.. Я утратила стыдъ, потеряла разумъ, потеряла надежду... Всѣ мужчины, по очереди, оскверняли это тѣло, измѣнившее Богу.. Я пала такъ низко, что ангелы небесные не могли бы поднять меня своими большими крыльями.. Я совершила столько преступлений, что иногда оскверняла даже самый грѣхъ...

Игуменья нѣжнымъ движеніемъ руки закрываетъ ей ротъ. Не говорите больше, дочь моя, это тѣнь искушаетъ васъ, это растущая боль доводитъ васъ до бреда...

Сестра Клементина. Чудо исчерпало силы у нея..

Сестра Фелисита. Благодать повергаетъ ее ницъ...

Сестра Эглантина. Воздухъ небесъ подавляетъ ее...

Беатриса, сопротивляясь, отстраняя руку игуменьи и приподымаясь на своемъ ложѣ. Да нѣтъ же, нѣтъ, говорю я вамъ! Это не бредъ, это — явь!.. Это не воздухъ небесъ, это — воздухъ земли и это — правда!.. Ахъ! Вы слишкомъ добры и непоколебимы, вы ничего не знаете!.. Лучше оскорблять меня, лучше наказывать меня, лишь понять въ концѣ-концовъ!.. Да, вы живете здѣсь, шепчете ваши молитвы, налагаете на себя наказанія, вѣруя въ искупленіе... Но лишь я, видите ли, я и всѣ мои сестры, что остаются внѣ этихъ стѣнъ и не знаютъ покоя, однѣ мы извѣдаемъ всю глубину великаго покаянія...

Игуменья. Будемъ молиться, будемъ молиться, сестры, это послѣднее испытаніе...

Сестра Эглантина. Это діаволъ тревожитъ торжество ангеловъ...

Беатриса. Да, да, діаволъ, діаволъ править всѣми!.. Вы видите эти руки?.. Онѣ утратили человѣческій видъ...

Ихъ уже нельзя разомкнуть... Пришлось продать и ихъ послѣ души и тѣла... Ихъ тоже покупаютъ, когда не остается больше ничего...

Игуменья, утирая обильный потъ на чель Беатрисы. Пусть небесные ангелы, охраняющіе твое ложе, раскинутъ надъ твоимъ влажнымъ челомъ свои крылья...

БЕАТРИСА. Ахъ! Ангелы небесные! Гдѣ они? Что они дѣлаютъ?.. Развѣ я вамъ не говорила?.. У меня нѣтъ больше дѣтей... Трое изъ нихъ самые прекрасные умерли, когда я уже не была прекрасной... Я задушила послѣдняго какъ-то вечеромъ, въ припадкѣ безумія, когда онъ кричалъ отъ голода... А солнце продолжало сіять, звѣзды зажигались вновь и вновь, правосудіе дремало, и одни грѣшники продолжали жить въ гордости и счастья...

Игуменья. У одра великихъ святыхъ идетъ чудовищная борьба...

СЕСТРА ЭГЛАНТИНА. У вратъ небесныхъ огонь гѣнны зажигается великими вспышками своего тщетнаго бѣшенства...

БЕАТРИСА, падая безъ силъ. Я больше не могу... Задыхаюсь... Дѣлайте, что хотите, нужно было сказать вамъ это...

СЕСТРА ЭГЛАНТИНА. Архангелы возносятъ ее...

СЕСТРА ФЕЛИСИТА. Силы небесныя водворили миръ...

Игуменья. Ужасное видѣніе исчезло... Бѣдная святая сестра моя, улыбнитесь теперь, помышляя о тѣхъ богохульныхъ словахъ, которыхъ вы не произнесли, но которыя неизвѣстный голосъ обманно извергалъ изъ вашихъ устъ въ бѣшенствѣ послѣдняго...

БЕАТРИСА. Это былъ мой голосъ...

Игуменья. Моя добрая и святая сестра, успокойте ваше сердце, отбросьте угрызения... Это былъ не тотъ знакомый всѣмъ голосъ, нѣжный и тихій голосъ ангельской вѣсти и привѣтъ больнымъ, что столько лѣтъ воодушевлялъ наши молитвы...

Сестра Эглантина. Не бойтесь, сестра моя, въ послѣдней борьбѣ нельзя потерять вѣнецъ, данный въ награду за жизнь, пройденную въ невинности, съ молитвой и любовью...

Беатриса. Ни одного часа съ тѣхъ поръ, какъ пробылъ тотъ злосчастный часъ, во всей этой жизни нѣтъ ни одного часа, который, не былъ отмѣченъ смертнымъ грѣхомъ...

Игуменья. Дочь моя, воздайте хвалу Творцу, вы святая, но врагъ искушаетъ васъ и сомнѣнія смущаютъ васъ... Какъ могли вы совершить всѣ эти ужасныя прегрѣшенія? Вѣдь вотъ ужъ почти тридцать лѣтъ, какъ вы здѣсь, смиренная прислужница у алтаря и монастырскихъ воротъ; мои глаза слѣдили за вами во всѣхъ вашихъ молитвахъ, во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, и я отвѣчаю за нихъ предъ Богомъ, какъ за свои... Такія, какъ ваши, угоди́те Богу, чѣмъ мои. Не подъ этими сводами, а тамъ, вѣ нашихъ стѣнъ, средь заблудшихъ людей—торжество грѣха). Вы, слава Богу, не знаете того міра, вы никогда не покидали стѣнъ храма...

Беатриса. Я никогда не покидала?.. Мать моя... Я не понимаю... Вотъ уже сколько времени... Мой смертный часъ близокъ... вы должны сказать мнѣ правду... (Меня ли хотятъ обмануть или простить, не желая открыть мнѣ это?..

Игуменья. Здѣсь нѣтъ прощенія, здѣсь нѣтъ обмана...

Беатриса. Мать моя, я здѣсь... я, думаю, не брежу... Смотрите на эту руку, въ которую впиваются мои ногти... Смотрите, кровь проступаетъ, струится, она — настоящая... У меня нѣтъ другихъ доказательствъ... Теперь, скажите, если у васъ есть состраданіе... Мы передъ лицомъ Бога... Когда смерть близка и Богъ близокъ... Если вы не хотите, я не скажу ни слова, но если вы можете, скажите мнѣ, изъ жалости, что было сказано, что произошло, когда двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ одно утро монастырскія ворота нашли открытыми, коридоръ пустымъ, алтарь покинутымъ, плащъ и покрывало... Я больше не въ силахъ, мать...

Игуменья. Я понимаю, дочь моя, это воспоминаніе продолжаетъ смущать и терзать васъ... Двадцать пять лѣтъ тому назадъ свершилось великое чудо, которымъ Творецъ отмѣтилъ васъ... Мадонна покинула насъ, чтобы вознестись на небо, но, покидая насъ, она облекла васъ въ свои священные одежды, въ свои святяи украшенія. увѣнчала васъ своимъ золотымъ вѣнцомъ, въ своей безграничной добротѣ дала намъ этимъ понять, что вы займете ея мѣсто во время ея отсутствія.

Беатриса. Кто же занялъ тогда мое мѣсто?..

Игуменья. Никто не занималъ его, такъ какъ вы были здѣсь...

Беатриса. Я была среди васъ?.. Я была здѣсь, все время?.. Я ходила, говорила и вы касались меня своими руками?..

Игуменья. Какъ и въ этотъ мигъ моя рука касается васъ...

БЕАТРИСА. Мать моя, я больше не знаю... Мнѣ кажется, что у меня не хватает силъ понять это... Я ничего не прошу, я подчиняюсь... Я чувствую, что вы очень добры, что смерть полна отрады... Развѣ вы знаете, что душа несчастна?.. Когда я жила здѣсь, тогда не прощали... Я въ несчастьи часто говорила себѣ, что если бы Богъ зналъ все, Онъ не сталъ бы карать... Но вы счастливы, вы поняли... Была пора, всѣ люди презирали страданія, была пора, всѣ люди проклинали падшихъ... теперь все прощаютъ... все понимаютъ, какъ если бъ одинъ изъ ангеловъ сказалъ истину... Мать моя и вы, сестра Эглантина, дайте мнѣ свои руки... Вы на меня не сердитесь? Скажите всѣмъ моимъ сестрамъ... Что имъ сказать?.. Глаза мои закрываются, мои губы цѣпенѣютъ... Наконецъ-то я засну... Я жила въ мѣрѣ, гдѣ мнѣ нельзя было понять, зачѣмъ существуютъ ненависть и злоба... теперь я умираю въ другомъ мѣрѣ и не понимаю, куда ведутъ доброта и любовь...

Она падаетъ безъ силъ на свое ложе.—Молчаніе.

СЕСТРА ЭГЛАНТИНА. Она спитъ...

ИГУМЕНЬЯ, становясь на колѣни. Давайте молиться, сестры, давайте молиться, пока не настанетъ часъ торжества...

Монахини опускаются на колѣни вокругъ ложа Беатрисы.

Занавѣсъ.